

«Снигирь»
Г. Р. Державина:
текстология и
история создания

Gavriil R. Derzhavin's
The Bullfinch:
Textual Criticism and
History of Composition

**Константин Юрьевич
Лаппо-Данилевский**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

**Konstantin Yu.
Lappo-Danilevskii**

Institute of Russian Literature (Pushkinskij
Dom) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье рассматривается история создания знаменитого стихотворения Г. Р. Державина «Снигирь» (1800), посвященного смерти А. В. Суворова (1730–1800). Анализ трех вариантов этих элегических строф показывает, что Державин последовательно совершенствовал стиль и метрику (стихотворение написано редким логэдическим размером). Сравнение изданий и рукописей убеждает, что Державин не заметил опечатки в 22-й строке «Снигиря» во второй части своих «Сочинений», опубликованных в 1808 г. в Петербурге: вместо «томных вой лир» было напечатано «томный вой лир». Это искажение повторялось во всех последующих изданиях стихотворений Державина. В статье исследуются два авторских комментария к «Снигирию»: 1. сообщенный Державиным в 1805 г. архиепископу Евгению (Е. А. Болховитинову); 2. продиктованный в 1808–1809 гг. Е. Н. Львовой. Стихотворение рассматривается в контексте других произведений Державина начала 1800-х гг. Хотя поэт утверждал, что «Снигирь» был написан спонтанно, сразу после смерти Суворова, есть основания усомниться в этом, поскольку самый ранний автограф стихотворения относится к 1805 г.

Цитирование: Лаппо-Данилевский К. Ю. «Снигирь» Г. Р. Державина: текстология и история создания // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 113–134.

Citation: Lappo-Danilevskii K. Yu. (2024) Gavriil R. Derzhavin's *The Bullfinch*: Textual Criticism and History of Composition. *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 113–134.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.04

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Ключевые слова

русская литература XVIII века, «Снигирь» Г. Р. Державина, А. В. Суворов, текстология

Abstract

The paper surveys the history of composition of Gavriil R. Derzhavin's *The Bullfinch* (1800), a famous poem on the death of the celebrated Russian military commander Alexander V. Suvorov (1730–1800). An analysis of three versions of these elegiac stanzas demonstrates how Derzhavin consistently improved his style and metrics (the poem is written in a rare logaoedic verse form). A comparison of all editions and manuscripts makes clear that Derzhavin did not notice a typographical error in the twenty-second line of *The Bullfinch* in the second part of his Works, which was published in 1808 in Saint Petersburg: "the languid howl of lyres" was printed instead of "the howl of languid lyres". This error was repeated in all subsequent editions of Derzhavin's poems. The article investigates two Derzhavin's comments on *The Bullfinch*, the first made in 1805 for archbishop Evgeny (E. A. Bolkhovitinov) and the second dictated in 1808–1809 to Elisaveta N. Lvova. Derzhavin's poem is also considered in the context of his other works of the early 1800s. Though the poet claimed that *The Bullfinch* was written spontaneously, immediately after Suvorov's death, there are some reasons for doubt, because the earliest manuscript of the poem is from the year 1805.

Keywords

Eighteenth-century Russian Literature, Gavriil R. Derzhavin's *The Bullfinch*, Alexander V. Suvorov, Textual Criticism

История печатного текста знаменитого стихотворения Г. Р. Державина «Снигирь», обычно датируемого 1800 г., крайне проста: первая редакция под названием «К снигирию. По кончине князя Суворова» была в 1805 г. анонимно опубликована в журнале «Друг Просвещения». Окончательный текст стихотворения был помещен автором в 1808 г. во второй части его «Сочинений». Именно его в 1865 г. перепечатал Я. К. Грот во втором томе академического собрания сочинений Державина, указав разночтения с публикацией 1805 г. Редакция 1808 г., признанная Гротом основной, неизменно тиражировалась во всех позднейших изданиях Державина (в том числе и в «Библиотеке поэта»). Обращение к рукописям позволяет, однако, говорить о существовании не двух, а трех редакций стихотворения, проанализировать работу автора над «Снигирем», а также внести в его общепринятый текст небольшое, но существенное уточнение.

Так как изменения текста, предпринятые Державиным, затрагивали метр, имеет смысл сначала вкратце охарактеризовать размер «Снигирия».

О размере «Снигирия»

Исследователи не раз анализировали неклассический метр «Снигирия», опираясь на текст второй части «Сочинений» 1808 г. Эта редакция, как и другие, разделена на четыре строфы по шесть стихов в каждой (рифмы перекрестные и скользящие: ababcd efefcd; жмжмжм жмжмжм)¹. Двенадцать стихов, имеющих женские рифмы, насчитывают десять слогов; одиннадцать стихов с мужскими рифмами содержат по девять слогов. Стих 20 имеет мужскую клаузулу, но насчитывает десять слогов. В двадцати стихах цезура находится после пятого слога, а в четырех — после четвертого.

Во всех стихах, кроме одного, 20-го, ударения находятся на 1-м, 4-м, 6-м и 9-м слогах. И лишь в 20-м — на 1-м, 4-м, 7-м и 10-м слогах, т. е. стих имеет структуру четырехстопного дактиля.

В исследовательской литературе сложилось *три традиции понимания метра* знаменитого державинского стихотворения²:

1) Трактовка размера «Снигирия» как четырехстопного дактиля с околоцезурными усечениями была обоснована еще В. М. Жирмунским [Жирмунский 1975], она разделяется М. Ю. Лотманом [Lotman 1999; Лотман 2002] и В. А. Плунгяном³, а в развернутом виде представлена в недавней монографии К. М. Корчагина «Русский стих: цезура» (2021), где «Снигирь» рассматривается в подглавке «Размеры с эффектами внутренней анакрусy» [Корчагин 2021: 386].

2) Как дольник, «в основу» которого положен четырехстопный дактиль с цезурным усечением, рассматривает «Снигирия» М. Л. Гаспаров [Гаспаров 2000: 73–74].

3) К логаздам относят «Снигирия» К. Д. Вишневский [Вишневский 1972: 250, 252–258]⁴, В. Е. Холшевников [Холшевников 1971: 434]⁵, О. И. Федотов [Федотов 2005: 502–503], Д. В. Ларкович [Ларкович 2012:

¹ Здесь и далее используется система аббревиатур, применяемых в Поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>).

² Подробный анализ трех точек зрения см. в статье: [Лappo-Данилевский 2023].

³ Отмечая схожие метрические особенности «Кладбища» Карамзина, исследователь полагает, что «Снигирь» Державина — наиболее яркий пример цезурных усечений, так как в этом стихотворении «среди преобладающих строк Д2ж|Д2жм возникают даже образцы настоящего дольника» [Плунгян 2005: 864].

⁴ В этой своей обзорно-статистической статье исследователь, правда, не упоминает «Снигирия», но общее число логаздов, которые ученый находит у Державина довольно велико, — это семь лирических стихотворений, насчитывающих 218 строк. К сожалению, из-за характера своего труда Вишневский не называет произведений, написанных тем или иным размером.

⁵ Исследователь отмечает, что тем же размером написана и державинская «Весна».

27], К. Ю. Тверьянович [Тверьянович 2013: 203]; Б. П. Шерр⁶; «причудливым логэдом» стихотворение называет Е. А. Пастернак [Пастернак 2022: 9]⁷. Точка зрения на «Снигирия» как на логэд с иррегулярной цезурой, и на мой взгляд, наиболее состоятельна, так как метр стихотворения наилучшим образом выражает следующая схема (исключение составляет лишь стих 20):

' 0 0 ' 0 ' 0 0 ' (0).

Так как с метром «Снигирия» связаны незаурядные художественные достижения в творчестве Державина, вполне правомерно именовать этот метр державинским (логэдическим) девятисложником (Дд).

Источники текста

Привлечение архивного материала позволяет с необходимой полнотой представить историю работы Державина над «Снигирем». В настоящий момент удалось выявить две авторитетных рукописи, позволяющие утверждать, что работа над текстом шла в три этапа, и, соответственно, можно говорить о трех редакциях, обозначаемых далее тремя начальными буквами латинского алфавита.

Первая из обнаруженных рукописей — автограф поэта, хранящийся в фонде известного собирателя П. Я. Дашкова в Рукописном отделе Пушкинского Дома [ИРЛИ.93.3.443]. Текст его полностью идентичен тому, что был опубликован в «Друге Просвещения» в 1805 г. Здесь к первоначальному варианту заглавия «К снигирию» был добавлен поясняющий подзаголовок «По кончине князя Суворова». Как кажется, это именно та рукопись, с которой делался набор в журнале. По-видимому, она была сохранена кем-то из издателей «Друга Просвещения», чтобы позднее стать достоянием частных коллекций и в конечном счете быть приобретенной Дашковым (к истории собрания см.: [Меньшенина 2007: 43–48]).

Вторая рукопись стихотворения весьма авторитетна, хотя и не является автографом [ИРЛИ.96.1.2]. Она содержится во втором томе

⁶ Ср.: «The underlying metre is dactylic tetrameter, though here too we end up with logaoedic verse: in every line two syllable appear between ictus 1 and 2, one between ictus 2 and 3, and again two between 3 and 4» [Scherr 2021: 422].

⁷ В данном контексте заслуживает внимания следующий факт: Н. П. Киселев (1884–1965), историк, библиограф и книговед, в материалах к своему незавершенному труду о русской поэзии также полагал, что «Снигирь» был написан логэдическим размером: «a'ba'b|c'd||e'fe'f|c'd (двойной адонический стих без диэрезы: – 0 0 – 0 – 0 0 – 0) (II, 344)» (ОР РГБ.128/II.3.112.13.81; судя по орфографии, анализ метров Державина производился Киселевым в 1910-е гг.). Выражаю признательность Е. А. Пастернак за сообщение этих сведений.

рукописного иллюстрированного собрания сочинений Державина, готовившегося после 1805 г. при непосредственном участии поэта (так называемые «Зеленые тетради»). Стихотворение здесь обрело свое окончательное название «Снигирь»; перед ним и после него помещены аллегорические виньетки (над ними в «Зеленых тетрадях», как установлено Е. Н. Петровой, трудились А. Н. Оленин, А. Е. Егоров и И. А. Иванов) [Петрова 1987: 385].

Таким образом, три редакции стихотворения представлены следующими рукописными и печатными текстами:

А

1. *ИРЛИ.93.3.443*;
2. Державин 1805б

В

ИРЛИ.96.1.2.

С

Державин 1808

Ниже мной приводится текст «Снигирия» с последовательным отражением изменений (различающиеся сегменты выделены курсивом) и некоторыми комментариями к каждой из строф. В таблице указываются следующие сведения: в первом столбце — порядковые номера стихов, в третьем — количество слогов до и после цезуры, в четвертом — число слогов в строках и тип клаузулы.

Как уже говорилось, текст обрел свое окончательное название во второй редакции. Первая строфа на всех трех этапах правке не подвергалась:

А: К СНИГИРЮ

В: СНИГИРЬ

С: СНИГИРЬ

1	Что ты заводишь песню военну	5/5	10ж
2	Флейте подобно, милый снигирь?	5/4	9м
3	С кем мы пойдем войной на гиенну? ⁸	4/6	10ж
4	Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?	5/4	9м
5	Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?	5/5	10ж
6	Северны громаы в гробе лежат.	5/4	9м

⁸ Отмечу, что в обоих текстах редакции А (и рукописный, и печатный) — в отличие от В и С — встречаем написание «геенна», вызывающее библейские ассоциации. Державин позднее так прокомментировал это слово: «Гиенна, злейший африканский зверь, под коей здесь разумеется революционный дух Франции, против которой гр. Суворов был послан» [Державин 1866: 677].

Вторая строфа подверглась поначалу незначительным изменениям: в стихе 7 было устранено неблагозвучное словосочетание «с ратью»; в стихе 9 Державин предпочел говорить о закалке меча, а не души полководца. На втором этапе поэт явно пожелал устранить версификационные отличия от других строф, имевших чередование мужских и женских клаузул — жмжмжм, — в то время как во второй строфе мужские рифмы ранее доминировали — мммжм. После первой переработки стих 7 стал дактилическим — на заключительном этапе Державин ввел в него предцезурное усечение на один слог:

7А	Кто <i>будет пеший</i> <i>с ратью ходить</i> ,	5/4	9м
7В	Кто <i>будет пеший</i> <i>пред ратью ходить</i> ,	5/5	10м
7С	Кто <i>перед ратью</i> <i>будет, пылая</i> ,	5/5	10ж
8	Ездить на кляче, <i>есть сухари</i> ;	5/4	9м
9А	В <i>службе и зное</i> <i>душу калить</i> ,	5/4	9м
9В	В <i>службе и в зное</i> <i>меч свой калить</i> ,	5/4	9м
9С	В <i>службе и в зное</i> <i>меч закаляя</i> ,	5/5	10ж
10	Спать на соломе, <i>бдеть до зари</i> ;	5/4	9м
11	Тысячи воинств, <i>стен и затворов</i> ,	5/5	10ж
12А	С <i>горстью россиян</i> <i>вмиг побеждать?</i>	5/4	9м
12В	С <i>горстью россиян</i> <i>всё побеждать?</i>	5/4	9м
12С	С <i>горстью россиян</i> <i>всё побеждать?</i>	5/4	9м

Третья строфа подверглась лексическим уточнениям: читателю раннего варианта вряд ли могло быть ясно, о каком «суде» собственно шла речь, введение наречия «езде» снимало эти недоумения; более удачным надо признать и выражение «рок низлагать», чем «рок поражать», — в итоге бессилие судьбы перед героем предстает более явно. Отмечу и написание со строчной буквы слова «бог», нередкое в рукописях Державина, когда речь идет о христианском Боге. Удаление «жертвы» в стихе 17, без сомнения, способствовало устранению определенной двусмысленности; стих был также синтаксически упрощен:

13А	Быть <i>в суде</i> первым <i>в мужестве строгом</i> ,	5/5	10ж
13В	Быть <i>езде</i> первым <i>в мужестве строгом</i> ,	5/5	10ж
13С	Быть <i>езде</i> первым <i>в мужестве строгом</i> ,	5/5	10ж
14	Шутками <i>зависть</i> , <i>злобу штыком</i> ,	5/4	9м

15A	Рок <i>поражать</i> молитвой и богом,	4/6	10ж
15B	Рок <i>низлагать</i> молитвой и богом, ⁹	4/6	10ж
15C	Рок <i>низлагать</i> молитвой и Богом,	4/6	10ж
16	Скиптры давая, зваться рабом,	5/4	9м
17A	Доблестей <i>только</i> <i>жертвой</i> единых,	5/5	10ж
17B	Доблестей <i>быть</i> <i>лишь жертва</i> единых,	4/6	10ж
17C	Доблестей <i>быв</i> <i>страдалец</i> единых,	4/6	10ж
18	Жить для царей, себя изнурять?	4/5	9м

Существенным представляется отказ от множественного числа в стихе 20: «песня военна» вместо «песни военные»; этот вариант куда более сообразуется с державинским рассказом о том, что «снигирь» знал лишь одно колено военного марша (см. об этом ниже). В стихе 22 благодаря сличению всех вариантов текста выявляется не замеченная автором опечатка, воспроизводившаяся всеми последующими изданиями¹⁰. Гипербат «томных вой лир» не был распознан и осознан наборщиком; Державин же, конечно, писал о «томных лирах», а не о «томном вое». «Вбждя», словоформу с непривычным для современного уха ударением на первом слоге, встречаем в еще одном тексте, связанном со смертью Суворова (см. далее отрывок «Всторжествовал — и усмехнулся...»). Но в «Снигире» Державин предпочитает отказаться от этого генитива, чтобы упростить синтаксис финальных строк:

19	Нет теперь мужа в свете столь славна:	5/5	10ж
20A	Полно петь песни военные, снигирь!	5/5	10м
20B	Полно петь песню военну, снигирь!	5/5	10м
20C	Полно петь песню военну, снигирь!	5/5	10м

⁹ В печатной версии «Друга Просвещения» слово «Бог» дается с большой буквы в отличие от автографа в собрании П. Я. Дашкова.

¹⁰ Авторы не всегда образцовые корректоры своих произведений. Приведу лишь два примера тому. Так, И. С. Барков в своем переводе из Горация (сатира VIII, кн. I), пропустил в печать строку «И самая луна разделась, зря сей срам» [Гораций 1763: 60]. Ее верный вариант, несомненно: «И самая луна зарделась, зря сей срам», в чем легко убедиться, обратившись к подлиннику (выражаю признательность В. И. Шубинскому, обратившему мое внимание на воспроизведение этой ошибки в кн.: [Поэты XVIII века 1972: 180]; ср. также комментарий на с. 582: «Луна разделась — т. е. вышла из-за облаков»). Типографское искажение деепричастия «клича» привело к возникновению в тексте Гомера таинственного Клита, отсутствующего в рукописи Гнедича [Ермолаева 2012: 331–332].

21	Бранна музыка днесь не забавна,	5/5	10ж
22A	Слышен отвсюду томных вой лир;	5/4	9м
22B	Слышен отвсюду томных вой лир;	5/4	9м
22C	Слышен отвсюду томный вой лир;	5/4	9м
23	Львиного сердца, крыльев орлиных,	5/5	10ж
24A	Нет у нас вождя — что воевать?	5/4	9м
24B	Нет уже с нами! — что воевать?	5/4	9м
24C	Нет уже с нами! — что воевать?	5/4	9м

Как видим, доработка «Снигиря» производилась Державиным весьма последовательно: были устранены отклонения от избранной строфической формы, уточнялась лексика и несколько упрощался синтаксис, в целом все равно оставшийся по-державински затрудненным.

История создания

Как видим, документально проследить историю текста «Снигиря» удастся лишь с 1805 г. В то же время традиционная датировка стихотворения — май 1800 г.¹¹, что побуждает еще раз внимательно проанализировать имеющиеся свидетельства о его написании в контексте других литературных произведений Державина, написанных под впечатлением от смерти великого полководца.

2 февраля 1800 г., почувствовав ухудшение здоровья, А. В. Суворов, находившийся тогда в Кракове, передал командование над войсками генералу А. Г. Розенбергу и отправился в свое белорусское имение Кобринский ключ. 20 апреля 1800 г. полководец наконец прибыл в Петербург [Лопатин 2012: 413–414]¹². Здесь Суворова вместо почестей ожидало неудовольствие императора Павла, заключившего полководца под домашний арест. До самой кончины 6 мая 1800 г. Суворов жил на Крюковом канале в доме Д. И. Хвостова, женатого на его племяннице княжне А. И. Горчаковой. Из воспоминаний о Державине его родственник Е. Н. Львовой и М. Ф. Ростовской известно, что поэт, несмотря на то, что визиты к опальному полководцу были воспрещены, навещал Суворова незадолго до смерти. Обе мемуаристки, явно опираясь на сведения, восходившие к самому Державину, сообщают, помимо прочего, почти

¹¹ В позднейших изданиях Державина стихотворение вслед за Гротом [Державин 1865: 344–348] неизменно помещается среди произведений 1800 г.

¹² Подборку документальных свидетельств о последних днях полководца см. в: [Жизнь Суворова 2001: 567–577].

слово в слово эпизод о том, как умиравший полководец спросил Державина, какую бы тот ему сочинил эпитафию, и, услышав в ответ: «Здесь лежит Суворов», воскликнул: «Помилуй Бог, как хорошо» [Г. Р. Державин в воспоминаниях 2018: 176–177, 215–216]. Этот хореический моностих и ныне можно видеть на могиле Суворова в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге; его же поместил и Грот в приложении к стихотворениям, связанным со смертью Суворова, указав во избежание споров об авторстве: «Эта надпись, действительно вырезанная на надгробном памятнике знаменитого полководца, встречается отдельно в тетрадах нашего поэта, и мы помещаем ее таким же образом в подтверждение, что она точно принадлежит Державину» [Державин 1866: 380].

О смерти Суворова 6 мая поэт узнал весьма скоро, по-видимому, от родственников полководца. На другой день он известил об этом И. О. Куриса и Н. А. Львова. Второе из этих писем содержит следующие строки: «Герой нынешнего, а может быть, и многих веков, князь Итальянский с такою же твердостью духа, как в многих сражениях, встречал смерть, вчерась в 3 часа пополудни скончался. Говорят, что хорошо это с ним случилось. Подлинно, хорошо в такой славе вне и в таком неуважении внутри окончить век! Это истинная картина древнего великого мужа. Вот урок, вот что есть человек!» [Державин 1871: 106].

Через несколько дней, 12 мая 1800 г., от дома Д. И. Хвостова на Крюковом канале траурная процессия, сопровождавшая гроб военачальника, прошла через Садовую улицу и Невский проспект до Александро-Невского монастыря, где в Благовещенской церкви состоялось отпевание Суворова, — все это Евгений (Болховитинов), префект Александро-Невской семинарии, запечатлел в письме от 14 мая другу юности В. И. Македонцу (привожу лишь заключительную часть):

Улицы, все окна в домах, балконы и кровли преисполнены были народом. День был прекрасный. Народ отвсюду бежал за нами. Наконец мы дошли и ввели церемонию в верхнюю монастырскую церковь. Гроб поставлен на катафалке под тем же балдахином посреди церкви. Обедня поспешно началась в половине 12-го часу. В церковь пускали только больших, а народу и в монастырь не допускали. Проповеди не было. Но зато лучше всякого панегирика пропели придворные певчие 90-й псалом «Живый в помощи», концерт сочин<ения> Бортнянского. Прочтите этот псалом, и вы со мною согласитесь, что нет лучшего панегирика Суворову. Войска расположены были за монастырем. Отпето погребение, и тут-то раз десять едва я мог удерживать слезы. При последнем целовании никто не подходил без слез ко гробу. Тут явился и Державин. Его преуниженный поклон гробу тронул до основания мое сердце. Он закрыл лицо платком и отошел, и верно из сих слез выльется бессмертная ода. Все плакали, только что не смели рыдать... [...] При опуска-

нии гроба трижды 12 раз за монастырем выпалено из пушек и чрез каждые 12 выстрелов — беглый огонь. Буди вечная память Суворову [Выдержки 1870: 778–779].

Весьма характерно, что в этот день скорби Евгений не может не думать о поэтическом прославлении полководца, о «бессмертной оде», которой первый поэт России должен, по его мнению, непременно прославить Суворова. В последующее время интерес Евгения к поэтическим откликам на кончину военачальника не ослабевает, в списках до него доходит стихотворная надпись А. А. Шишкова «Остановись, прохожий...» (автором ее Евгений полагает П. И. Шаликова). Иерарх пересылает ее 27 мая 1800 г. Македонцу вместе с латинской эпитафией, сочиненной Д. П. Бутурлиным: «Cineres hic, fama ubique» («Прах здесь, слава повсюду»). Он также передает слухи о пожеланиях скончавшегося: «Да и сам покойник перед смертью говорил своему племяннику: “Митюша! Не черти моей гробницы стихами; а разве напиши только: здесь лежит Суворов”» [Выдержки 1870: 780; под «Митюшей» имеется в виду Д. И. Хвостов]. В том же письме Евгений упоминает, что Державин написал четверостишие на смерть генералиссимуса («четыре стишка»), которых он еще не видал. Речь здесь идет, по-видимому, об эпитафии, опубликованной анонимно пять лет спустя, в октябрьском номере «Друга Просвещения» за 1805 г., т. е. того журнала, где на пять месяцев ранее была напечатана первая редакция «Снигирия»:

О вечность! прекрати твоих шум вечных споров,
Кто превосходней всех героев в свете был.
В святилище твое от нас в сей день вступил
Суворов.

[Державин 1805а: 25]¹³

Лишь 11 июля 1805 г. Евгений прислал Македонцу несколько стихотворных эпитафий, полагая их все принадлежащими перу Державина: «Посылаю при сем надпись Державина Суворову. Первый мне не по вкусу кажется. Прочие надписи его же» [Выдержки 1870: 784]. К сожалению, все эти тексты, приложенные к письму, были утрачены, так что не ясно, о чем шла речь (можно лишь утверждать, что почти наверняка среди них было и приведенное выше четверостишие). В то время Евгений не входил в ближайшее окружение поэта и даже не был лично знаком с ним, поэтому не напечатанные стихотворения Державина

¹³ Грот не заметил этой публикации, почему поместил державинскую эпитафию как ранее не печатавшуюся в основной части третьего тома [Державин 1866: 380]. В примечаниях к ней ученый приводит шестистишие «Окончи, вечность...», являющееся, скорее всего, чьим-то ей подражанием.

(или же приписывавшиеся ему) могли попасть к Евгению из вторых или третьих рук. Сведения, сообщенные Македонцу, важны не только как показатель повышенного интереса в тогдашнем обществе к реакции Державина на смерть полководца. Не менее существенно и то, что «Снигирь» в ближайшие месяцы после кончины Суворова не ходил в списках, иначе бы Евгений обязательно услышал о нем и раздобыл текст, о чем не умолчал бы в письмах другу юности.

Как кажется, Державина обуревали в первое время после смерти Суворова совсем иные чувства, чем те, что выражены в «Снигире» — «элегических стансах», по точному замечанию Грота. Это были, скорее, горечь и разочарование из-за унижения, которому Суворов подвергся в последние недели своей жизни.

Не подлежит сомнению, что вскоре после смерти полководца были набросаны следующие две строфы, опубликованные впервые в 1866 г. Гротом, который их никак не прокомментировал, но заменил на отточие имя Суворова:

Всторжествовал — и усмехнулся
Внутри души своей¹⁴ тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысящи боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх.

Нет, не тиран, не лютый рок,
Не смерть Суворова сразила:
Венцедаятель, Славы Бог
Архистратига Михаила
Послал, небесных вождя сил,
Да приведет к нему вождя земного
Приять возмездия венец,
Как луч от свода голубого...

[Державин 1866: 379]

Позднее эта купюра дала основание Г. А. Гуковскому утверждать, что под тираном Державин имел в виду императора Павла [Гуковский 1933: 376–377] и что именно политические резоны побудили Грота изъять из текста имя полководца. Однозначный намек Грота Гуковский увидел в том, что тот поместил данный отрывок перед

¹⁴ Грот приводит отвергнутый автором вариант первой части стиха: «Улыбкой гордою».

четверостишием «На смерть Суворова» и надписью «На гробницу Суворова в Невском [монастыре]». Интерпретация Гуковского восторжествовала и неизменно тиражировалась в комментариях к советским изданиям поэта. Если ее принять, то под «тысячью боев» следует понимать многолетнее противостояние Суворова императору, о котором Державину, конечно же, было известно. В любом случае следует принять во внимание, что опала, постигшая Суворова под конец жизни, исключала возможность публикации при жизни Павла I обширного поэтического произведения, воздававшего должное заслугам генералиссимуса.

Но обратимся к авторским версиям создания «Снигиря». Первая из них была артикулирована летом 1805 г., когда наконец состоялось личное знакомство Державина с Евгением Болховитиновым — во время визита иерарха на Званку¹⁵. О впечатлениях от него Евгений сообщил Д. И. Хвостову в письме от 22 августа 1805 г. [цит. в предисловии к публикации: Грот 1868а: 69–70]. Стремление архиерея познакомиться с Державиным было вызвано не в последнюю очередь тем, что с января 1805 г. Евгений публиковал в «Друге Просвещения» «Новый опыт исторического словаря о российских писателях». То есть поэт был для архиерея и кладезем сведений о недавней литературной эпохе, и героем одной из важнейших статей создаваемого справочника¹⁶. Поэтому при первой же встрече Евгений, не откладывая, попросил поэта составить пояснения к стихам, тем более что, как выяснилось, тот как раз готовил к печати их собрание¹⁷ — первые четыре тома «Сочинений Державина» вышли в свет в 1808 г.

Уже 30 сентября Евгений сообщал Д. И. Хвостову о щедром отклике на свою просьбу:

¹⁵ Эта версия была опубликована Н. Ф. Остолоповым спустя семнадцать лет спустя в «Ключе к сочинениям Державина» (1822).

¹⁶ «Новый опыт исторического словаря о российских писателях» преосвященного Евгения (Болховитинова) создавался в 1804–1811 гг. Его значительная часть (статьи на буквы А–К) была опубликована в «Друге просвещения» в 1805–1806 гг. В дальнейшем автор решил отделить духовных писателей от светских, итогом чего стало появление справочников: [Евгений (Болховитинов Е. А.) 1818; Евгений (Болховитинов Е. А.) 1845].

¹⁷ В статье преосвященного о Державина читаем в связи с готовившимся изданием: «Ныне сам он готовит полное и великолепное, с весьма многими виньетами, издание всех своих творений в шести частях, из коих первые три составлять будут *Лирические его песни*, четвертая *театральные пьесы*, пятая *прозаические сочинения и переводы*, а шестая *Епistolы, басни, надписи* и другие мелкие стихотворения. Нынешняя вторая супруга его будучи любительница музыки, старается также собрать особо те его стихотворения, которые придворными капельмейстерами Сартием, Бортнянским, Козловским и другими положены на музыку» [Евгений (Болховитинов Е. А.) 1806: 287].

Я убедил Гаврилу Романовича (который был у меня в Хутыне 24 августа и ночевал), чтобы он написал хотя краткую поэму о Новгороде, и он обещал это исполнить в Петербурге, где он теперь уже и находится. Похваляюсь вам, что он прислал мне самую обстоятельнейшую свою виографию¹⁸ и пространные примечания на случаи и на все намеки своих од. Это драгоценнейшее сокровище для русской литературы. Но теперь еще и на свет показать их нельзя. Ибо много живых витязей его намеков. Я также присоветовал ему напечатать самое дешевое издание своих од. А он, кроме того, готовит самое великолепнейшее издание в 6 частях с виньетами всех своих сочинений [Грот 1868б: 65–87; ср.: 126].

Ожидаемых прибавлений к примечаниям, правда, не последовало, и 21 ноября 1805 г. иерарх напоминал Державину: «Я жду и всепокорнейше прошу ваше в-пр-во прислать мне примечания на 3, 4 и 5 томы ваших творений. Поверьте, смею похвалиться, что к славе вашего имени я наилучшее сделаю употребление из сей доверенности, а притом все важное будет под печатью тайны до своего времени» [Державин 1871: 172].

Во время своего епископского служения в Вологде Евгений представил Н. Ф. Остолопову, бывшему там прокурором с 1808 до 1812 г., возможность ознакомиться с рукописью этих примечаний Державина к своим стихам и снять с нее копию. Именно она, подвергнувшись цензурным вторжениям, легла в основу «Ключа к сочинениям Державина», опубликованного Остолоповым в 1822 г.¹⁹ Известно, что издание этой книжки, осуществленное без ведома иерарха, вызвало его неудовольствие, несмотря на это став почти на десятилетие единственным комментарием к стихам Державина [Державин 1883: 281–282]²⁰.

¹⁸ Под «виографией» имелась в виду записка «Нечто о Державине», опубликованная много лет спустя в статье: [Кононко 1972: 81–85]. Содержавшиеся в ней сведения были положены в основу сообщаемого о Державине в словаре русских писателей Евгения (см. предыд. примеч.) и предисловии Н. Ф. Остолопова к «Ключу к сочинениям Державина» (1822).

¹⁹ «Ключ» содержит пояснения на первые две части «Сочинений Державина» 1808 г.; порядковые номера комментариев в нем отсылают именно к этому изданию. В переписке Державина и Евгения второй половины 1805 г. речь также шла о примечаниях к двум первым частям, тогда еще готовившимся к печати. То есть был охвачен идентичный объем произведений.

²⁰ Источником текста остолоповского «Ключа» была рукопись «Примечания о сочинениях Державина, писанные им самим в 1808 году», хранящаяся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского в Киеве (шифр 706/496/с). Как представляется, этот вариант «Примечаний» — результат «приспособления» в 1808 г. к «Сочинениям Державина» материалов, переданных Державиным Евгению в 1805 г. Пояснения касаются стихотворений лишь двух первых частей и находятся под номерами, отсылающими к этому изданию. Именно такой объем комментариев был послан Державиным к Евгению в 1805 г. (см. выше). Эти «Примечания» были опубликованы в XX столетии: [Кононко 1973–1975]. В связи с рукописью

Предпринятый выше экскурс в историю комментирования поэтом своих стихов потребовался для того, чтобы с должной критичностью подойти к тому, что в «Ключе к сочинениям Державина» сообщается об обстоятельствах написания «Снигиря»:

Песнь сия написана тотчас по кончине Суворова, в 1800. Автор был при оной и, возвратясь домой, услышал, что ученый снигирь его напевает марш. [Остолопов 1822: 88]²¹.

Как несложно заметить, этот краткий рассказ содержит подробность, не подтверждаемую другими источниками. Поэт, вне сомнения, посещал полководца незадолго до кончины, но при ней не присутствовал — в письме Н. А. Львову от 7 мая 1800 г., процитированном выше, о смерти военачальника сообщается как о событии, произошедшем накануне; о присутствии Державина у смертного одра Суворова не упоминается (нет этой подробности и в объяснениях, надиктованных поэтом Е. Н. Львовой четыре года спустя)²². Причину подобного искажения сложно установить: она могла корениться в изначальной неточной записи слов Державина (примечания для Евгения были записаны под диктовку), в ошибках, возникших при дальнейшем переписывании или в чем-то подобном.

Опыт комментирования собственных произведений был продолжен Державиным в 1809 г., через год после выхода в свет первых четырех частей его сочинений. Поэт живо ощущал необходимость, с одной стороны, пояснить свои стихи и тем направить читательское восприятие

«Примечаний» стоит также иметь в виду, что 24 января 1808 г. Евгений был назначен епископом Вологодским и Устюжским, из-за чего связи с Державиным на некоторое время ослабевают: [Рукавіцина-Гордізівська 2010: 30 et passim]. Позднее доступ к рукописи примечаний к стихам Державина, имевшейся у Евгения, имел В. Г. Анастасевич [ИРЛИ.88.15883]; ср. также: [Сборник статей 1868: 144, 199, 215].

²¹ Ср. комментариев в рукописи Евгения, к которой восходит текст остолоповского «Ключа»: «29. Снигирь. Песнь сия в память кончины графа Ал. Вас. Суворова-Рымникского, князя Итальяского. Писана в Петербурге в 1800 году тотчас по его кончине, когда автор, быв при оной, возвратился домой, и слыша, что снигирь, сидевший у него в клетке, наученной, подобно флейте, петь одно колено военного марша, напевал оной, то он, глядя на него, без всякого приготовления написал сии стихи и приказал вынести его из своей комнаты, чтоб более не слышать военной музыки» [Кононко 1975, 25: 117].

²² Ходасевич в беллетризированной биографии поэта повторяет эту неточность, эффектно завершая рассказом о сочинении «Снигиря» одну из глав своей книги: «6 мая Суворов при нем скончался. Державин, вернувшись домой, прошел в кабинет. Ученый снигирь трепыхнулся в клетке и по привычке тотчас пропел все, что знал: одно колено военного марша. Державин плотней прикрыл дверь, подошел к конторке, провел рукой по глазам, взял перо: Что ты заводишь песню военную, / Флейте подобно, милый Снигирь? / С кем мы пойдем войной на гиену? / Кто теперь вождь наш? кто богатырь?..» [Ходасевич 1931: 216].

в определенное русло, с другой стороны, сделать это более систематично. Вполне возможно также, что по зрелом размышлении он решил не отдавать «на сторону» столь важный для рецепции его произведений текст. Летом 1809 г. на Званке Державин стал диктовать пояснения Е. Н. Львовой (1788–1864), родной племяннице своей второй жены. Эта работа продолжилась и на следующий год; ряд записей в последних тетрадах сделан рукой С. В. Капниста, старшего сына В. В. Капниста.

Так возникли «Объяснения на сочинения Державина», в которых Грот, критически осмыслявший их текст в начале 1860-х гг., отмечал «разные неверности, состоящие частью в нерасслышанных словах и числах, частью в неточных показаниях самого поэта, который обыкновенно диктовал свои примечания на память, не справляясь с источниками» [Державин 1866: 590]. Весьма многочисленны были искажения годов и названий журналов в связи с публикациями стихов. Эти ошибки Грот, печатая «Объяснения» по подлинной рукописи в третьем томе своего академического издания, отмечал и исправлял. Он также устранил правку, что внес в текст «Объяснений» Ф. П. Львов, муж Е. Н. Львовой, впервые издавая их в 1834 г., и восстановил купюры, сделанные тогда по настоянию цензуры. Приведу поэтому начальные строки автокомментария к «Снигирию» по изданию Грота; при этом следует признать, что данное пояснение поэта было подвергнуто Ф. П. Львовым лишь незначительным стилистическим изменениям:

СНИГИРЬ. Соч. в Пб. 1800 г. мая месяца, на кончину гр. Суворова; напеч. в изд. 1808.

204) Флейте подобно, милый снигирь, — У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа.

[Державин 1866: 677]²³

Надо сказать, что если в «Ключе к сочинениям Державина» Н. Ф. Остолопова весь комментарий к «Снигирию» занял около двух строк, то в издании 1834 г. — около двух страниц. Приведенная цитата содержит несколько важных отличий от версии «Ключа»: отнюдь не утверждается, что поэт был у смертного одра Суворова и «тотчас» написал «оду в память столь славного мужа». Формулировка «по преставлении сего героя возвратился в дом» предполагает скорее какой-то момент после того, как Державин узнал о смерти своего прославленного друга. Все же обе немногословные версии едины в главном: именно

---

²³ Ср. комментарий к «Снигирию» в издании Ф. П. Львова: [Объяснения 1834: 104–106].

«колено военного марша» дает импульс к написанию стихотворения, которое было создано стремительно, одномоментно. Каким был этот прототекст «Снигиря» и сколь он был отличен от трех сохранившихся редакций 1805–1808 гг., остается лишь гадать. Во всяком случае, если первый вариант стихотворения и родился спонтанно, то впоследствии, как я пытался показать выше, он неоднократно и целенаправленно дорабатывался автором.

Уподобление свиста «снигиря» звучанию флейты не случайно и отсылает к традиции русской военной музыки XVIII столетия. Со времен петровских реформ флейта была неотъемлемой частью военной жизни, что было закреплено указом № 2319 Петра I от 19 февраля (2 марта) 1711 г., утверждавшим «Штаты кавалерийских и пехотных полков с показанием расположения оных по губерниям» [Полное собрание законов 1830: 590–627]. В екатерининское царствование согласно штатам 1763 г. в каждом «мушкетерском полевом» полку состояло, помимо других музыкантов, 24 барабанщика и 12 флейтчиков, которые распределялись по ротам (2 барабанщика и 1 флейтчик в каждой). Гренадерским полкам придавался еще один флейтчик, которому платилось повышенное жалование. Павел I хотя и резко сократил полковые оркестры, несанкционированно разросшиеся в екатерининское время и часто служившие личному увеселению полковников, но не изменил номенклатуру и количество музыкантов в ротах [Тутунов 2005: 94–95; Кривцова 2019: 403–405]. То есть звуки флейт и барабанов постоянно звучали в Петербурге во время пеших войсковых передвижений, в том числе и рядом с усадьбой Державина, ибо неподалеку от нее располагались казармы лейб-гвардии Измайловского полка. Все же птичка была кем-то научена колену марша (также и Державин говорит о «снигире, выученном петь одно колено военного марша»), а не подслушала мелодию во время прохождения войск по городу²⁴.

В заключение стоит отметить, что написание «снигирь», ориентированное на произношение и непривычное с точки зрения современной орфографии, было в XVIII столетии вполне обычным, хотя и не единственно возможным. Именно оно было избрано как основное «Словарем Академии российской»²⁵. Его встречаем, к примеру, и в заглавии

²⁴ О способах научения снегирей различным мелодиям см.: [Holden 1888. P. 57–86] (главка «The Bullfinch»).

²⁵ «СНИГИРЬ, ря . с. м. *Loxia rutghula*. Птаха, величиною поболее воробья, сверху покрыта перьями серыми, снизу красными, самка же искрасна серыми; темя на голове и перья при основании клюва черные, лоснящиеся; гузка и конец брюха белые; крылья и хвост черные. Водится в лесах; питается рябиною, которую рассеивает. Голос у нее тихой, но приучивается насвистывать песни» [Словарь 1794: 624–625].

басни А. А. Ржевского «Снигирь и червяк», опубликованной в «Полезном увеселении» (1761), и в названии басни В. А. Левшина «Снигирь» (1787) [Ржевский 1761; Левшин 1787: 28]²⁶. В то же время вариант этимологизирующий, через ять, подчеркивающий родство со словом «снѣг», тоже был в ходу. Именно его встречаем в 1790-е гг. у Н. А. Львова в стихотворениях «Зима» («Ах, зима, зима лихая...») и «Снегирь» («Осенне времечко настало...»). Неизменно через ять писал свою фамилию Михаил Матвеевич Снегирёв (1760–1820), переводчик, профессор Московского университета.

Подводя итоги, приходится признать, что все, относящееся к истории «Снигиря» до 1805 г., опирается на весьма скудные свидетельства его автора, не поддающиеся верификации по другим источникам. При этом нет полной уверенности, что поэт сразу сочинил стихотворение в виде, близком к окончательному: в частности, избрал для него редкий размер и оригинальную строфику. Бывая доволен своими стихотворениями с художественной стороны, Державин обычно стремился к их скорейшему обнародованию, хотя и печатал их нередко анонимно, предпочитая, чтобы узнавали *ex ungue leonem*. Даже в тех случаях, когда текст мог вызвать высочайшее неудовольствие (как в случае со знаменитой «Фелицей»), это не удерживало поэта от того, чтобы знакомить с ним друзей и искать возможности его напечатать. Державин не раз способствовал и распространению своих произведений в списках²⁷. Все эти соображения подводят к выводу, что именно в 1805 г. замысел «Снигиря» получил ту степень завершенности, при которой Державин счел возможным отправить стихотворение в печать. Если в мае 1800 г. поэта преисполняло чувство гнева, вызванное несправедливостью высшей власти к Суворову, то элегические настроения трех рассмотренных редакций «Снигиря» могут в немалой степени объясняться политической ситуацией весны и начала лета 1805 г. 30 марта (11 апреля) этого года в Санкт-Петербурге Российской империей был заключен союзный договор с Великобританией, находившейся в состоянии войны с наполеоновской Францией, что означало неминуемое грядущее участие российской армии в военных действиях. В это время, когда силы Третьей антифранцузской коалиции готовились к новым сражениям против армий Наполеона, Державин, думается, особенно остро ощутил, что у России нет военачальника, равного по таланту Суворову.

²⁶ При перепечатке в XX столетии названия эти по умолчанию выправлялись в соответствии с орфографическими нормами XX в.: [Поэты XVIII века 1972: 250; Русская басня 1977: 189–190].

²⁷ Так, как уже говорилось выше, благодаря Евгению Болховитинову известно, что державинская эпитафия Суворову имела хождение в списках в тот момент, когда ее было весьма затруднительно напечатать из-за постигшей полководца опалы.

Сокращенные названия архивов

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург).

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Библиография

Источники

*Рукописи**ИРЛИ.88.15883*

ИРЛИ. Ф. 88 (Я. К. Грот). Ед. хр. 15883. Державин Г. Р., Записки к творениям [копия рукой В. Г. Анастасевича].

ИРЛИ.93.3.443

ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 443. 2 л. [Державин Г. Р.], К снигирию.

ИРЛИ.96.1.2

ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 110 об.–111. Державин Г. Р. Снигирь, 2, *Рукописные стихотворения Державина с рисунками*.

ОР РГБ.128/II.3.112.13.81

ОР РГБ. Ф. 128/II. Оп. 3. Карт. 112. Ед. хр. 13. Карточка 81. Киселев Н. П. Размеры Державина. Материалы к исследованию.

Издания

Выдержки 1870

Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его В. И. Македонцу, *Русский архив*, 4/5 (8), 1870, 769–870.

Гораций 1763

[Гораций], *Квинта Горация Флакка сатиры или беседы с примечаниями, с латинского языка преложенные российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым*, С.-Петербург, 1763.

Державин 1805а

[Державин Г. Р.], На кончину графа Суворова-Рымникского, князя Италийского: («О вечность! прекрати твоих шум сильных споров...»), *Друг Просвещения*, 4 (10), 1805, 25. Без подп.

— 1805б

[Державин Г. Р.], К снигирию. По кончине князя Суворова, *Друг Просвещения*, 2 (6), 1805, 186–187. Без подп.; с примечанием к заглавию: «Сия пьеса прислана от неизвестного».

— 1808

Державин Г. Р., Снигирь, *Сочинения Державина*, 2, С.-Петербург, 1808, 117–118.

— 1865

Державин Г. Р., Снигирь, *Сочинения Державина*, с объяснит. примеч. Я. Грота, 2, С.-Петербург, 1866, 344–348.

— 1866

[Державин Г. Р.], *Сочинения Державина*, с объяснит. примеч. Я. Грота, 3, С.-Петербург, 1866.

— 1871

[Державин Г. Р.], *Сочинения Державина*, с объяснит. примеч. Я. Грота, 6, С.-Петербург, 1871.

——— 1883

[Державин Г. Р.], *Сочинения Державина*, с объяснит. примеч. Я. Грота, 9, С.-Петербург, 1883.

Г. Р. Державин в воспоминаниях 2018

Морозова Н. П., сост., вступ. статья, Морозова Н. П., Градова Б. А., подг. текстов и коммент., *Г. Р. Державин в воспоминаниях современников*, С.-Петербург, 2018.

Жизнь Суворова 2001

Лопатин В. С., авт.-сост., *Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. Письма. Документы. Воспоминания. Устные предания*, Москва, 2001.

Левшин 1787

Левшин В. А., *Нравоучительные басни и притчи*, Москва, 1787.

Объяснения 1834

Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Елисавете Николаевне Львовой в 1809 году, изданные Ф. П. Львовым в четырех частях, С.-Петербург, 1834.

Остолопов 1822

Остолопов Н. Ф., *Ключ к сочинениям Державина, с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта*, С.-Петербург, 1822.

Полное собрание 1830

Полное собрание законов Российской империи, 4, С.-Петербург, 1830.

Поэты XVIII века 1972

Макогоненко Г. П., Серман И. З., сост., Кочеткова Н. Д., подгот. текста и примеч., *Поэты XVIII века*, 1, Москва, Ленинград, 1972.

Ржевский 1761

[Ржевский А. А.], Снигирь и червяк, *Полезное увеселение*, 22, Декабрь, 1761, 202.

Русская басня 1977

Степанов Н. Л., Степанов В. П., сост., подгот. текста и примеч., *Русская басня XVIII–XIX вв.*, Ленинград, 1977.

Словарь 1794

Словарь Академии Российской, 5: P–T, С.-Петербург, 1794.

Литература

Вишневский 1972

Вишневский К. Д., *Русская метрика XVIII века, Вопросы литературы XVIII века. Ученые записки [Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского]. Серия филологическая*, 123, 1972, 129–258.

Гаспаров 2000

Гаспаров М. Л., *Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика*, 2-е изд., доп., Москва, 2000.

Грот 1868a

Грот Я. К., Переписка Евгения с Державиным, *Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук*, 5/1, 1868, 65–87.

——— 1868b

Грот Я. К., Переписка Евгения с гр. Д. И. Хвостовым (Из подлинных рукописей, принадлежащих М. И. Семевскому), *Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук*, 5/1, 1868, 97–210.

Гуковский 1933

Гуковский Г. А., Литературное наследство Г. Р. Державина, *Литературное наследство*, 9–10, Москва, 1933, 369–396.

Евгений (Болховитинов Е. А.) 1806

[Евгений (Болховитинов Е. А.)], Продолжение нового опыта Исторического словаря о российских писателях, *Друг просвещения*, 1 (3), 1806, 274–288.

— 1818

[Евгений (Болховитинов Е. А.)], *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийской церкви*, 1–2, С.-Петербург, 1818. [2-е изд. испр. и умнож.: 1827].

— 1845

[Евгений (Болховитинов Е. А.)], *Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России*, 1–2, Москва, 1845.

Ермолаева 2012

Ермолаева Е. Л., Заметки о переводе «Илиады» Н. И. Гнедичем, *Древний мир и мы*, 4, С.-Петербург, 2012, 331–332.

Жирмунский 1975

Жирмунский В. М., *Теория стиха*, Ленинград, 1975.

Кононко 1972

Кононко Е. Н., Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР, *Русская литература*, 3, 1972, 74–85.

— 1973–1975

Кононко Е. Н., Примечания на сочинения Державина, *Вопросы русской литературы*, 22–23, 25, Львов, 1973–1975.

Корчагин 2021

Корчагин К., *Русский стих: цезура*, С.-Петербург, 2021.

Кривцова 2019

Кривцова Н. Г., Русская военная музыка в конце XVIII в., *История военного дела: исследования и источники*, 2: *Лекции по военной истории XVI–XIX вв.*, 3, 2019, 400–440 (<http://www.milhist.info/2019/09/15/krivcova>; последнее обращение 17.01.2024).

Лаппо-Данилевский 2023

Лаппо-Данилевский К. Ю., Логаэды Г. Р. Державина, *Вопросы языкознания*, 4, 2023, 96–116.

Ларкович 2012

Ларкович Д. В., Феномен авторского сознания Г. Р. Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX веков (автореферат дисс. на соиск. степени д-ра филологических наук, Екатеринбург, 2012).

Лопатин 2012

Лопатин В. С., *Суворов*, Москва, 2012.

Лотман 2002

Лотман М., «На смерть Жукова» (1974), Л. В. Лосев, В. П. Полухина, ред.-сост., *Как работает стихотворение Бродского*, Москва, 2002, 64–76.

Меньшенина 2007

Меньшенина Н. Ю., Коллекции П. Я. Дашкова и Пушкинский Дом, *Русская литература*, 3, 2007, 43–48.

Пастернак 2022

Пастернак Е. А., Версификация Г. Р. Державина: метрика, рифма, строфика (автореферат дисс. на соиск. степени кандидата филологических наук, Москва, 2022).

Петрова 1987

Петрова Е. Н., Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания, Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова, подгот. изд., *Державин Г. Р., Анакреонтические песни*, Москва, 1987, 379–395.

Плунгян 2005

Плунгян В. А., К эволюции русской метрики: немонотонная силлабо-тоника, В. Н. Топоров, отв. ред., *Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой*, Москва, 2005, 857–869.

Полное собрание законов 1830

Полное собрание законов Российской империи, 4: 1700–1712, С.-Петербург, 1830.

Рукавіцина-Гордієвська 2010

Рукавіцина-Гордієвська Є. В., *Київський митрополит (Є. О. Болховітінов): Біобібліографія. Бібліотека. Архів*, Київ, 2010.

Сборник статей 1868

Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук, 5 (1), С.-Петербург, 1868.

Тверьянович 2013

Тверьянович К. Ю., *Русский стих 1735–1810-х годов. Метрика и строфика. Антология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*, С.-Петербург, 2013.

Тутунов 2005

Тутунов В. И., *История военной музыки России*, Москва, 2005.

Федотов 2005

Федотов О. И., Русская стиховая культура XIX века, *История русской литературы XIX в.*, 3 (1870–1890), Москва, 2005.

Ходасевич 1931

Ходасевич В. Ф., *Державин*, Париж, 1931.

Холшевников 1971

Холшевников В. Е., Логаэдические размеры в русской поэзии, *Поэтика и стилистика русской литературы*, Ленинград, 1971, 429–436.

Holden 1888

Holden G. H., *Canaries and cage-birds: the food, care, breeding, diseases and treatment of all house birds*, 2nd ed., New York, 1888.

Lotman 1999

Lotman M. Yu., 'On the Death of Zhukov'. 'Na Smert' Zhukova', L. Loseff, V. Polukhina, eds., *Joseph Brodsky: The Art of a poet*, London, 1999, 44–58 (transl. from the Russian by Chris Jones).

Scherr 2021

Scherr B. P., A Modernist Before His Time: The Formal Innovations of Gavrila Derzhavin, *Slavonic and East European Review*, 3 (99), 2021, 401–431.

References

Ermolaeva E. L., A Commentary on N. I. Gnedich's Translation of the "Iliad", A. Gavrilov et al., eds., *Antiquitas perennis*, 4: *Cultus classicus eiusque fata* (= *Bibliotheca classica Petropolitana*), St. Petersburg, 2012, 331–332.

Fedotov O. I., Russkaia stikhovaia kul'tura XIX veka, *Istoriia russkoi literatury XIX v.*, 3 (1870–1890), Moscow, 2005.

Gasparov M. L., *Ocherk istorii russkogo stikha. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofiika*, 2nd ed., Moscow, 2000.

Gukovsky G. A., Literaturnoe nasledstvo G. R. Derzhavina, *Literaturnoe nasledstvo*, 9–10, Moscow, 1933, 369–396.

Khodasevich V. F., *Derzhavin*, Paris, 1931.

Kholshevnikov V. E., Logaedicheskie razmery v russkoi poezii, *Poetika i stilistika russkoi literatury*, Leningrad, 1971, 429–436.

Kononko E. N., Primechaniia na sochineniia Derzhavina, *Voprosy russkoi literatury*, 22–23, 25, Lviv, 1973–1975.

Kononko E. N., Rukopisi G. R. Derzhavina v Tsentral'noi nauchnoi biblioteke USSR, *Russkaia literatura*, 3, 1972, 74–85.

Korchagin K., *Russkii stikh: tsezura*, St. Petersburg, 2021.

Krivtsova N. G., Russkaia voennaia muzyka v kontse XVIII v., *Istoriia voennogo dela: issle-*

dovaniia i istochniki, 2: Lektsii po voennoi istorii XVI–XIX vv., 3, 2019, 400–440 (<http://www.milhist.info/2019/09/15/krivcova>; last access on: 17.01.2024).

Lappo-Danilevskii K. Yu., Gavriil Derzhavin's Logoaeedic Verse. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 2023, 96–116.

Lopatin V. S., *Suvorov*, Moscow, 2012.

Lopatin V. S., ed., *Zhizn' Suvorova, rasskazannaia im samim i ego sovremennikami. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniia. Ustnye predaniia*, Moscow, 2001.

Lotman M. Yu., 'On the Death of Zhukov'. 'Na Smert' Zhukova', L. Loseff, V. Polukhina, eds., *Joseph Brodsky: The Art of a poem*, London, 1999, 44–58 (transl. from the Russian by Chris Jones).

Lotman M., «Na smert' Zhukova» (1974), L. V. Losev, V. P. Polukhina, eds., *Kak rabotaet stikhovorenje Brodskogo*, Moscow, 2002, 64–76.

Makogonenko G. P., Serman I. Z., eds., *Poety XVIII veka*, 1, Moscow, Leningrad, 1972.

Menshenina N. Yu., Kolleksiia P. Ia. Dashkova i Pushkinskii Dom, *Russkaya Literatura*, 3, 2007, 43–48.

Morozova N. P., Gradova B. A., eds., *G. R. Derzhavin v vospominaniiax sovremennikov*, St. Petersburg, 2018.

Petrova E. N., Illiustratsii k anakreontike G. R. Derzhavina. Zamysel i istoriia sozdaniia,

G. P. Makogonenko, G. N. Ionin, E. N. Petrova, eds., Derzhavin G. R., *Anakreonticheskie pesni*, Moscow, 1987, 379–395.

Plungian V. A., K evoliutsii russkoi metriki: nemonotonnaia sillabo-tonika, V. N. Toporov, ed., *Iazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statei k 70-letiiu T. M. Nikolaevoi*, Moscow, 2005, 857–869.

Rukavitsyna-Hordzievs'ka Ie. V., *Kiiv'skii mitropolit (Ie. O. Bolkhovitinov): Biobibliografiia. Biblioteka. Arkhiv*, Kyiv, 2010.

Scherr B. P., A Modernist Before His Time: The Formal Innovations of Gavriil Derzhavin, *Slavonic and East European Review*, 3 (99), 2021, 401–431.

Stepanov N. L., Stepanov V. P., eds., *Russkaia basnia XVIII–XIX vv.*, Leningrad, 1977.

Tutunov V. I., *Istoriia voennoi muzyki Rossii*, Moscow, 2005.

Tveryanovich K. Yu., *Russkii stikh 1735–1810-kh godov. Metrika i strofika. Antologiiia: Uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii*, St. Petersburg, 2013.

Vishnevskii K. D., Russkaia metrika XVIII veka, *Voprosy literatury XVIII veka. Uchenye zapiski. Seriiia filologicheskaiia*, 123, 1972, 129–258.

Zhirmunsky V. M., *Teoriia stikha*, Leningrad, 1975.

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский,

доктор филологических наук, Dr. habil.

ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Отдел по изучению русской литературы XVIII века

199034, С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4

Россия / Russia

yurij-danilevskij@yandex.ru

Received February 27, 2024